

УДК 94(930.2)

Суржик Ольга Сергеевна, кандидат исторических наук, заведующий отделом использования документов, Московский областной архивный центр, Московская область, г. Пушкино, Россия;

e-mail: olga-surzik@yandex.ru

Суржик Тихон Васильевич, студент 4 курса, Государственный университет просвещения, г. Москва, Россия

e-mail: tihonsurzik@gmail.com

ПСИХОИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗМЕРЕНИЕ СОВЕТСКОЙ ПОВСЕДНЕВНОСТИ 1920-30 ГГ. СКВОЗЬ ПРИЗМУ ЖАЛОБ И ДОНОСОВ. ПО ДОКУМЕНТАМ НИЗОВЫХ ПРОФСОЮЗНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ МОСКОВСКОГО РЕГИОНА

Аннотация. В статье на материале низовых профсоюзных организаций – жалоб, доносов и других документов, предпринята попытка реконструкции психоисторического измерения советской повседневности Московского региона 1920-30 гг.

Ключевые слова: психоистория, история повседневности, история Московского региона.

Surzhik Olga Sergeevna, Candidate of Historical Sciences, Head of the Department of the Use of Documents, Moscow Regional Archival Center, Moscow region, Pushkino, Russia

e-mail: olga-surzik@yandex.ru

Surzhik Tikhon Vasilyevich, 4th year student, State University of Education, Moscow, Russia

e-mail: tihonsurzik@gmail.com

THE PSYCHOHISTORICAL DIMENSION OF SOVIET EVERYDAY LIFE IN
1920-30 THROUGH THE PRISM OF COMPLAINTS AND DENUNCIATIONS.
ACCORDING TO THE DOCUMENTS OF THE GRASSROOTS TRADE
UNION OF THE MOSCOW REGION

Annotation. In the article, based on the material of grassroots trade union organizations – complaints, denunciations and other documents, an attempt is made to reconstruct the psychohistorical dimension of the Soviet everyday life of the Moscow region of 1920-30.

Keywords: psychohistory, history of everyday life, history of the Moscow region.

Направление «психоистория» в исторической науке еще очень молодо и продолжает формироваться, хотя в данном русле исследования написано немало работ. Исследования проводятся на стыке различных гуманитарных дисциплин.

М.В. Кирчанов относит начало развития психоисторических исследований к двадцатым годам прошлого столетия. Однако основоположником психоистории как независимой научной дисциплины в 1950-е гг. он считает Э. Эриксона. Расцветом психоистории М.В. Кирчанов называет 1970-е годы, когда Ллойд де Моз определяет психоанализ в качестве методологической основы психоистории, хотя далеко не все исследователи придерживаются подобной точки зрения, ведь, согласно Э. Эриксону, «психоистория продвигается вперед благодаря открытию новых парадигм и попыткам их опровергнуть» [8].

В России психоистория начала развиваться к концу 1990-х гг., хотя предпосылки ее формирования сложились гораздо раньше. Еще А.С. Лаппо-Данилевский называл исторический источник реализованным продуктом человеческой психики [12]. Часть отечественных ученых в качестве предмета исследования психоистории называет сферу религиозного сознания и ценностей в историческом контексте. «Сознание человека – одна из пограничных тем, над которой работают специалисты философии, психологии, социологии, а в

последнее время истории (вернее, исторической психологии) и культурологии», – пишет М.Н. Кудрявцева [11. С.175-178]. Ряд исследователей изучает в русле психоистории взаимоотношение и взаимовлияние мнения и ценностных ориентиров личности и группы в историческом контексте [28. С.108-111]. Многие исследователи создают работы в жанре исторической биографии, используя метод психоанализа. При этом они ориентируются на теорию архетипов К. Юнга. «Работа с коллективным бессознательным открывает возможность понимания текста в истории. То есть открывает путь понимания между современным и древним... Этот способ понимания близок к психологическому понятию эмпатии – эмоциональному сопереживанию», – пишет И.К. Барабаш [2. С.45-48]. Часть исследователей фокусирует внимание на изучении языковой картины мира человека прошлого [10. С.41-45], другие предлагают не просто воссоздавать «хронологию событий и институтов», но также изучать «мотивы интересов и типы личностей» [7. С.19-21]. Н.В. Кладова определяет психоисторию как «соединение эмпирической историографии и психоанализа с практическими задачами увидеть психологические истоки, движущие силы крупных общественных процессов, вскрыть личностную подоплеку исторических действий, соединить в конечном итоге текущую политику с глубинными бессознательными механизмами» [9. С.7]. В рамках психоистории она выделяет несколько течений: использование психологических теорий в исторических интерпретациях, изучение трансисторических общностей или специфических психологических структур, их элементов и взаимоотношений в истории, изучение степени влияния психологических феноменов на историческое развитие. Одним из перспективных направлений в психоистории автор считает применение психоанализа в источниковедении, «где психоанализ логически приобретает статус герменевтической процедуры... Историк, использующий психоанализ в процессе работы с историческим источником, обязан постулировать существование бессознательного» [9. С.7-10].

К. Юнг утверждал, что «Человеческая жизнь – опыт, не внушающий доверия: только взятый во множестве, он способен произвести впечатление» [35. С.13], что «без истории нет психологии, – и в первую очередь это относится к психологии бессознательного» [35. С.35]. Следуя идеям швейцарского психолога, можно говорить о возможности взаимного обогащения исторической и психологической науки через психоисторические исследования. Он полагал, что «наш душевный покой и благополучие, прежде всего, обусловлены тем, в какой мере исторически унаследованные фамильные черты согласуются с эфемерными нуждами настоящего момента» [35. С.38]. Отвергая фрейдистский пансексуализм, он считал стремление к сексу и власти одной страстью, «производным одной духовной силы» [35. С.30].

Согласно К. Юнгу, «архетип представляет собой то бессознательное содержание, которое изменяется, становясь сознательным и воспринятым» [35. С.85-90] при помощи языковых матриц [35. С.118]. Представляется возможным использовать данную методологию в сочетании с методами, применяемыми в области исследований в русле интеллектуальной истории. Ллойд де Моз предложил вместо социальных групп и классов в качестве главных участников исторического процесса учитывать психоклассы. В данной связи представляется целесообразным учитывать теорию психотипов российского и советского психиатра П.Б. Ганнушкина [6. С.26-74]. Он выделяет следующие психотипы: циклотимики, которые характеризуется полярными настроениями; эпилептоиды – люди деятельные вспыльчивые, склонные к импульсивным поступкам; истерики – личности демонстративные, поверхностные, артистичные; параноики – люди настойчивые, не выбирающие средств и не обладающие эмпатией; шизоиды – замкнутые не умеющие выражать свои чувства, имеющиеся сложности с общением и пониманием других; астеники – сомневающиеся, совестливые склонные к неврозам, обладающий эмпатией, часто перфекционисты. Астеники социализируются легче других, вследствие своей совестливости и склонности к эмпатии. Они, как правило, работают не за страх, а за совесть. Дихотомия понятий «страх» и «совесть» существует в русской

культуре неслучайно, ведь человек, на которого нельзя воздействовать при помощи совести, может быть социализирован при помощи дозированного страха. Страх осуждения для истериков, для которых, в свою очередь, очень важно мнение окружающих, как и страх наказания для параноиков, может стать серьезным дисциплинирующим фактором. Что касается шизоидов, то их социализация наиболее сложна, им больше подходят профессии, где бы приходилось работать вне коллектива. У эпилептоидов и циклотимиков для формирования навыков социализации огромную роль играет настроение. С позиции архетипа русской православной культуры¹ наличие астеников в социуме является стабилизирующим фактором, поскольку они больше, чем представители других психотипов, способны к эмпатии и жертвенности. П.Б. Ганнушкин описал психотипы в статике и динамике, в состоянии нормы и патологии – расстройства личности, невроза, психоза. Для постановки диагноза расстройства специалисты используют так называемую «триаду П.Б. Ганнушкина», куда входит тотальность характерологических нарушений, стойкость их в течение жизни, а также нарушение социальной адаптации.

В Московском областном архивном центре (МОАЦ) хранятся документы низовых профсоюзных организаций Московского региона, большинство из которых не публиковались, и стали вводиться в научный оборот совсем недавно. Документы МОАЦ представляют интерес с точки зрения изучения истории повседневности, психоистории и других направлений, получивших свое развитие в результате антропологического поворота в исторической науке.

Профсоюзы защищали права и свободы граждан, принимали активное участие в самых различных сторонах жизни общества, реализуя элементы гражданского, правового общества, играя роль общины для вчерашних крестьян, осуществляя функции самоорганизации и самоуправления. С одной стороны, они насаждали политику власти, с другой, включая в себя, особенно на низовом уровне, представителей традиционного мировоззрения, способствовали

¹ «Нет больше той любви, как если кто положит душу свою за друзей своих». (Ин. 15:13); «Возлюби ближнего твоего, как самого себя». (Мк. 12:31).

сохранению культурообразующих ценностей и препятствовали деструктивной модернизации. В условиях ослабления государственной власти они взяли на себя часть ее функций. В докладе о работе Щелковского райкома Всеработземлес справедливо сказано, что «нет уголка, куда бы не попала искра профсоюзного руководства» [22. Л.35].

Одним из важнейших архетипов русской культуры является концепт «правда-справедливость» [1. С.92-98]. Мерилом справедливости для личности выступает совесть. Православие в России является культурообразующим фактором, поэтому концепт «правда-справедливость» имеет наполнение, сформировавшееся в православной традиции. При этом не столь важно, верующим был человек, или атеистом. Часть жалоб, отложившихся в документах Московского областного архивного центра, основана на вышеописанном архетипе. Люди искали справедливости, защищая свое честное имя, материальное благосостояние и даже жизнь от последствий доноса, либо злоупотребления лиц, имеющих властный ресурс, либо склонных к антисоциальному поведению. При этом наибольшая виктимность и уязвимость характерна для людей астенического психотипа.

В свете архетипов русской культуры жалоба воспринимается как поиск правды, а донос как «документ Иуды». Отсюда пословица – «Донощику первый кнут». И если жалобы написаны представителями различных психотипов, то авторы доносов принадлежали к параноидальному психотипу.

Докладная записка Р.В.Гржешкевича в Правление Московского отдела Всероссийского Союза рабочих полиграфического производства сообщает о некомпетентности и злоупотреблении властью комиссаров картотдела Дзюбана, Левита и Цветкова, которые издавали неумелые, часто враждебные по отношению к людям труда, постановления. При этом профсоюз занял в конфликте сторону рабочего, отстоял его перед Московской чрезвычайной комиссией и Комиссией трех [18. Л.7].

Нередко профсоюзы разбирали по инициативе рабочих дела о присвоении имущества [18. Л.9-9 об.]. О хищении ценных вещей, мошенничестве при

составлении описи в типографии бывшей Менерт и давлении комиссаров на членов комиссии свидетельствуют показания Т.М. Иогель и А.П. Воронковой, которых комиссары заставляли подписывать документы, используя угрозы [18. Л.12].

Фонды низовых профорганизаций хранят множество доносов и тщательно задокументированных разбирательств, которые заканчивались оправданием обвиняемого, включая документы, либо их копии, полученные из различных ведомств. Докладная записка Председателя комитета № 137 А. Бочарова в Московский городской отдел Всероссийского союза строительных рабочих повествует о пьянстве, избии рабочих и получении взяток председателем Месткома № 78 Рублевской насосной станции В.М. Денисовым, в виде двух бутылок водки за прием в союз. Рабочий Шульгин, будучи пьян, заявил, что «Денисовым и друзьями были пропиты деньги, собранные на «Наш ответ Чемберлену». В трезвом виде Шульгин от своих слов отказывался. Автор записки отмечал факт покупки двух костюмов после пропажи у Денисова общественных денег. Согласно документу, никто из опрошенных не мог привести доказательств выдвинутых обвинений. Бочаров полагал, что «поведение самого Денисова и отношение его к этому делу показывает, что кое-что из ряда обвинений, выдвинутых против Денисова, безусловно, имеет место» [17. Л.4]. Бюро ячейки предложило Денисову подать в суд на обвинителей, что он и сделал. Дело «попало под амнистию» в связи с приближением годовщины Октября. Тогда в суд подали на Денисова, и против него было возбуждено уголовное дело по статье 109 УК (злоупотребление властью или служебным положением). Докладная записка инструктора Калабушкина в Орготдел Мосгоротдела Всероссийского союза строительных рабочих сообщает о мотивах обвинения против Денисова. «Факты не подтвердились о взятках по проведению в союз... Проходцев, который заявляет, будто от кого-то слышал, указывает на тех, кого уже нет, но подтвердился факт о пьянке... Из бесед со многими рабочими, с коммунистами и беспартийными, мнение о тов. Денисове хорошее,

а просто у тов. Проходцева и у Денисова какие-то личные счета по своей родине, так как они из одного селения» [17. Л.4]. В результате, дело было прекращено.

Нередко профсоюзам приходилось урегулировать конфликты, вызванные антисоциальным поведением людей. Конфликтно-тарифная комиссия при Монино-Тимонинской фабрике разбирала случай о «невозможном поведении» проборщика П. Сапожникова, который «не давал работать бердовщику Оленеву, последний его уговаривал и вынужден был его отпихнуть, на что Сапожников покушался швырнуть в Оленева железным угольником от подботанника, но Оленев отнял и был укушен Сапожниковым» [16. Л.21]. Свидетели подтвердили данный факт, и Сапожников был уволен по результатам голосования. При вынесении решения собрание учло тот факт, что ранее ему уже было вынесено три предупреждения.

Представители школы крестьянской молодежи жаловалась на лесничего Попова, чья семья мылась и стирала в озере, из которого пила вся деревня, хотя для стирки и мытья использовался другой водоем. Причем, лесник стоял с ружьем наготове, пока его домочадцы стирали одежду в водоеме, предназначенном для питья [23. Л.20]. В документе описывается и «пронырливость» Попова: «Вам кажется, он может лисой подойти к вашим услугам» [23. Л.5]. Расследование также обнаружило получение сыном лесничего жалования по разряду, которого он не имел, а также «небрежность расходов» [23. Л.39-40]. Дело было передано в высшие инстанции. Описанное в двух приведенных документах поведение, согласно классификации П.Б. Ганнушкина характерно для лиц, относящихся в первом случае к эпилептоидному, во втором – к параноидальному психотипу. Совпадение описанных в документах образов действия лиц с «триадой П.Б. Ганнушкина» позволяет предполагать у них антисоциальное расстройство личности, которому свойственно отсутствие эмпатии и пренебрежение общепринятыми нормами в своих интересах. Это формирует у человека повышенные ожидания от окружающих и низкий порог фрустрации, компенсируемый агрессией, направленной на «виновника».

В условиях дефицита жилплощади борьба за квадратные метры становилась поводом для доносов. Заявление работницы фабрики «Красная заря» Е.Ф. Гольшевой содержит требование расширения собственной жилплощади за счет той, на которой живет семья Гельбрас. «Этим «бывшим людям» удастся в настоящее время проживать по-барски, как и в былое время, а для того, чтобы их не потревожили в смысле уплотнения, то они пустили к себе прислугу – родственницу... Прошу секцию помочь в этом деле и дать мне возможность жить в более человеческих условиях, чем я нахожусь в настоящее время, за счет «бывших людей», которым, кажется, пора пожить так, как жили мы всю свою жизнь» [19. Л.54-54 об.]. Социальная справедливость воспринималась через систему двойных стандартов – настоящие и «бывшие» люди. Подобное представление о справедливости присуще личностям параноидального психотипа, характеризуемого отсутствием эмпатии и неразборчивостью в средствах для достижения своих целей. Они не могут допустить мысли о равноценности другого человека с собственной персоной. То, что принадлежит другим, должно принадлежать им, если они того хотят. Характерно двукратное употребление словосочетания «бывшие люди». Членам семьи Гельбрас отказано даже в признании за ними человеческого достоинства. Реакции на данное заявление, к сожалению, не сохранилось.

Христианская картина мира утверждает равенство народов перед Богом. Однако люди нередко интуитивно и практически не принимают друг друга по принципу инаковости. Как правило, конфликты не перерастают бытовой уровень. Однако если к такому конфликту подключается общественная, государственная или духовная сила, он может принять любые, даже самые трагичные масштабы. Ирония постепенно перерастает во взаимную неприязнь, затем в ненависть и даже преследования.

Целый пласт документов низовых профорганизаций Московского региона посвящен проблеме антисемитизма. Циркуляр Московского городского совета профсоюзов 1929 г. призывает к борьбе с контрреволюцией и антисемитизмом путем интернационального воспитания трудящихся. «Антисоветские элементы

разжигают шовинистические настроения... Антисемитизм – самый опасный, имеющий исторически глубокие корни» [20. Л.3], вид разжигания межнациональной розни. В документе отмечается, что антисемитская агитация находит самую благоприятную почву среди женщин-домашних хозяек, а также в церковных и сектантских организациях. «Материалы об антисемитизме среди членов профсоюзов» связывают его рост с обострением классовой борьбы. Согласно документу, данное явление проявлялось «в отсталых слоях в форме национальной травли евреев, армян, китайцев» [20. Л.6-7].

Отмечался также рост антисемитизма среди медработников и школьных учителей, которые «слабо реагируют на многочисленные факты проявления антисемитизма среди школьников». «На тормозном заводе некоторые рабочие спрашивают: «Почему русских называют «кацапами», украинцев – «хохлами», а евреев никак нельзя назвать «жидами». Да какие мы антисемиты, что это, нас еще контрреволюционерами назовут, а просто мы так привыкли.., но это не со зла». Не всегда дело ограничивалось словесными перепалками. «На фабрике «Большевик» в вафельном отделении рабочий партиец, поссорившись с еврейкой, обругал ее как самый ярый антисемит и замахнулся на нее бечевкой, а она в него бросила ножницы» [20. Л.8 об.-9]. В том же документе фиксируются и прямо противоположные случаи, когда профработники вставали на защиту евреев-рабочих. Подчеркивается, что антисемитизм, разговоры о «засилье и всеобщей власти евреев» производит разделение в трудовом коллективе. На стенах уборной 2-го МГУ также были замечены «антисемитские викторины», которые «дополняются новым остроумием» [20. Л.12]. Отмечались также случаи отрицания фактов антисемитизма низовыми профорганизациями. В документе выдвигалось требование о необходимости изгнания антисемитов из рабочей среды, а также проведения систематической кампании по борьбе с этим явлением [20. Л.16 об.].

В библиотеках, наряду с идеологически невыдержанной литературой, могли попадаться книги, изданные до революции, содержащие антисемитские высказывания. Так, например, в Егорьевской центральной библиотеке

учащемуся была выдана книга В.П. Буренина «Песни и шаржи» [4]. Согласно исследованию Г.Н. Боевой, которая соглашается с мнением З. Гиппиус, его сатира действительно, в основном, направлена против евреев и женщин [3]. В объяснительной записке библиотекарь О. Казакова утверждала, что «с содержанием этой книги... не была знакома, и злого умысла никакого не имела. Заданий от Мальцева (заведующего библиотекой – О.С.) о распространении такого рода книг не получала. Настенных форм пропаганды этих книг в библиотеке не было» [26. Л.109]. Библиотекарь Е.М. Агринская, которая осуществила перерегистрацию книги Буренина в новую инвентарную книгу, признала свои действия ошибочными, вызванными незнанием с содержанием. Она отметила, что заданий от заведующего библиотекой Мальцева по распространению книги не получала. Кроме того, ей пришлось дать объяснения по поводу выдачи религиозно-нравственных сочинений Л.Н. Толстого, которые «выдавались читателю весьма редко и только по личному запросу со стороны читателя, лицам, на которых они не могли подействовать в таком направлении, какое преследовал Толстой в своих произведениях».

Бывший инструктор УПП Казистова в объяснительной записке утверждала, что не замечала за Мальцевым антисемитских выходов. «К работе Мальцев относился добросовестно, хотя в работе было много промахов и ошибок: неорганизованно и беспланово велась работа, отсутствовали кружки, почти совсем не велось массовой работы, порядочно запущена бибтехника, на полках стояли идеологически невыдержанные книги» [26. Л.107]. Последнее обстоятельство автор записки объясняет отсутствием должного внимания к перерегистрации книг, а не злым умыслом со стороны Мальцева. Об отсутствии у Мальцева антисемитских и контрреволюционных взглядов свидетельствовал и бывший заведующий УПП И. Ионов. «Выступления тов. Мальцева на библиотечных объединениях отличались деловитостью и говорили о знании им библиотечного дела» [26. Л.110]. При этом автор объяснительной отмечает отдельные ошибки в работе и руководстве заведующего библиотекой.

Бывший заведующий Центральной библиотекой Ф.Ф. Мальцев написал заявление в Упрос с просьбой о назначении товарищеского суда над ним в связи с обвинениями в антисемитизме и черносотенстве «для выявления отсутствия умышленной выдачи не имеющих к массовому обращению книг» [26. Л.100]. Он утверждал, что данный инцидент произошел не по злему умыслу, а «по недостаточно внимательному отношению к делу». Заключение члена правления Упроса по заявлению бывшего заведующего библиотекой Уполитпросвета Ф.Ф. Мальцева свидетельствует о наличии в библиотеке идейно невыдержанной литературы, подлежащей изъятию. Например, сочинений А.В. Амфитеатрова, В.А. Жуковского, Г. Аннунцио, М.П. Арцыбашева, Л.А. Мея, В.С. Соловьева, а также В.П. Буренина. Автор документа отметил безразличное отношение библиотекарей к книжному составу библиотеки, которое привело не только к ее расхищению, но и к распространению «книг вредного состава и даже антисемитского» [26. Л.99].

Чаще всего проявления антисемитизма возникали на бытовой почве. Так, две учительницы, Шнеевейс и Сендерова в апреле 1929 г., обвиняют третью, свою соседку по коммунальной квартире, преподавательницу группы переростков Емельянову, в антисемитских высказываниях. Данный факт подтверждался свидетелями, Емельянова также не отрицала своих слов, но подчеркивала, что имела в виду исключительно своих соседок. В мае местком вынес постановление, согласно которому, поведение учительницы признали «несовместимым со званием советского педагога, перед которым стоит задача интернационального воспитания», предупредив, что повторение подобного «может иметь для нее чрезвычайно тяжелые последствия, и союзная организация... не сможет взять на себя защиту Емельяновой» [14. Л.34, 39]. Затем ее уволили, после чего она написала заявление, где высказалась в антисемитском духе, а также подвергла критике партию, советскую школу и «красных» учителей: «Неужели нельзя критиковать советскую школу, неужели нельзя подчеркивать ее недостатки. По-моему: чем больше бы говорили правды о школе, тем она скорее бы выздоровела... Мы, рядовые учителя, считали

унизительным для себя получать жалование задаром и занимались, а те, подчеркивая свою красноту, лодырничали, относились халатно, преступно к своему делу. На основании этого я и сказала, что красные учительницы безграмотны и разваливают школу. Я не знаю, что преступного в этих словах. Сама же власть находит учительство слабым и устраивает всевозможные переподготовки... Мне очень больно, что теперешняя школа не стоит на высоте своего положения, что старая школа была грамотнее... В старой школе (старую школу я знала только фабричную и городскую) невозможно было такое халатное отношение, как теперь... Старая школа старалась искоренить ложь в детях, теперешняя с первых шагов приучает ребенка лгать. Недаром рабочие так ненавидят новую школу» [14. Л.37-38].

После этого заявления заседание Месткома признало чрезмерную мягкость предыдущего решения и постановило: «исключить Емельянову из членов союза, лишить звания педагога, передать дело Емельяновой в следственные органы» [14. Л.41]. Также было заявлено требование немедленного начала воспитательной работы среди членов коллектива о недопустимости антисемитизма в Советском Союзе. Затем врач больницы при ГЭС Э-ча выдал Месткому школы им. III Интернационала при ГЭС им. Классона справку в том, что «школьная работница Евдокия Филипповна Емельянова» лечится у него и «страдает психическим расстройством, выразившимся в резко выраженном резонерстве, благодаря присущей ей своеобразной логике, приходит к неправильным суждениям и умозаключениям. Идеи ее странны и чужды жизни. Самооценка повышена. Поступки ее совсем непонятны из-за отсутствия правильного понимания действительности. Настроение ее изменчивое, обычно приподнятое, быстро переходит в резко угнетенное... Емельянова является психопатической личностью с кривой логикой и нуждается в освидетельствовании врачами психиатрами на предмет вменяемости» [14. Л.40]. Документ оставляет много неясностей. В нем не указана специальность врача, а также диагноз пациентки, описаны только симптомы. Названные симптомы относятся к разным расстройствам. Такое нарушение мышления как резонерство

характерно для шизофрении. А описанные смены настроения свойственны пациенту с пограничным расстройством личности.

В Протоколе заседания комиссии по проверке деятельности Месткома по делу Емельяновой зафиксированы высказывания о недостаточном освещении антисемитизма Е.Ф. Емельяновой и недоверии мнению доктора Катуква «о ее психическом нездоровье» [14. Л.43, 44 об.]. На этом история обрывается.

Выдающийся русский мыслитель, государственный и церковный деятель К.П. Победоносцев понимал власть как служение и ответственность [30. С.46-80], основываясь на православной традиции. В русской православной культуре управления неслучайно существует противопоставления страх-совесть. Совестьливому человеку не нужен страх наказания. Напротив, человек, лишенный совести, не сдерживается ничем, кроме страха. Такая картина мира соответствует архетипическим представлениям, укоренившимся в русской культуре.

Социолог, публицист и общественный деятель Н.С. Тимашев писал в 1938 г.: «Любая властная структура – комплекс поведенческих паттернов и соответствующих им психических диспозиций множества взаимосвязанных индивидов» [32. С.142]. Подобный паттерн поведения предполагает приоритет страха и рефлекса над совестью. Однако «комплекс поведенческих паттернов», основанных на православном мышлении как раз мешает реализоваться «автоматическому подчинению», которое, скорее, характерно для римской государственной и мировоззренческой модели, либо модели западного абсолютизма, либо модели власти денег при господстве капитализма, либо оккультной в своем существе модели посткапитализма. Там где есть приоритет совести, нет довлеющего страха. Толковый словарь живого великорусского языка определяет совесть как «нравственное сознание, нравственное чутье или чувство в человеке; внутреннее сознание добра и зла» [33. С.127]. Современный исследователь В.К. Веселова в статье, посвященной понятию «совесть» как психологическому феномену пишет: «Сохранность и зрелость совести определяют нравственный потенциал личности... Но в рамках христианской

культуры нравственная зрелость личности – это не только сохранность совести на уровне естественной нравственности, но и стремление к нравственному совершенствованию через принятие более высокого этического идеала жертвенной любви к другим» [5. С.127-134].

В документах низовых профсоюзных организаций Московского региона отражено немало случаев жертвенного поведения людей, которые охотно делились с нуждающимися последним ресурсом. Данный паттерн поведения, характерный для христианской традиции, реализовывался также в защите ближнего от обиды власть имущего. В языке эта жизненная стратегия отразилась поговоркой: «Не бойся сильного грозы, бойся слабого слезы».

С другой стороны, усиливающаяся высшая власть, используя присущий русской культуре архетип «правителя-отца», пыталась ослабить бюрократию, опираясь на поддержку населения. Это привело к принятию мер, ограничивающих произвол властей на низших уровнях, в пользу защиты интересов трудящихся. Разумеется, эти процессы не носили безусловный характер, и властный ресурс традиционно реализовывался в интересах своего носителя. Однако документы низовых профорганизаций Московского региона свидетельствуют о фактах реальной защиты работников низшего звена.

В июне 1928 г. ЦК ВКП(б) призвал развернуть критику и самокритику, и очистить госаппарат от «негодных элементов». Затем вышли постановления СНК и ЦК ВКП(б) о чистках, что вызвало массовую кампанию всевозможных чисток. В апреле 1929 г. на XVI партконференции были созданы основные принципы работы комиссий по чисткам, состав которых формировался специальными комиссиями РКИ с помощью профорганизаций. Поскольку отсутствовала строгая регламентация работы комиссий, решение практических вопросов осуществлялось на местах [31. С.103].

В рамках объявленной на высоком уровне борьбы с бюрократизмом и волокитой происходит усиление ответственности за нерассмотрение жалоб рабочих, что находит отражение в документах низовых профсоюзных организаций. «Выводы и предложения об обследовании постановки работы по

расследованию рабочих писем, заявлений и жалоб в Московском областном комитете союза рабочих промжилкомстроительства» свидетельствуют о волоките при рассмотрении жалоб рабочих. Расследованию подлежали заметки в газетах и стенгазетах, а также факторы, отрицательно влияющие на расследование, такие как потеря заметок. В документе требовалось исполнение шести условий Сталина. Было предложено регулярно созывать заседания для расследования жалоб рабочих, провести решительную борьбу с вредной точкой зрения об отсутствии жалоб у рабочих, признать данную точку зрения свидетельством слабости руководства, ввести персональную ответственность за расследование жалоб. В целях обеспечения максимально быстрого расследования за промедление на ответственного налагалось взыскание [25. Л.5]. В документах говорилось о необходимости изжития волокиты при работе с жалобами рабочих и «чрезмерного либерализма» по отношению к задержке расследований.

«Практические указания по постановке работы по расследованию рабочих писем и заявлений» содержали требования извещать заявителя по результатам расследования жалоб. В тетрадь учета писем и заявлений рабочих предписывалось добавить графу «Когда извещен заявитель о результатах расследования». Требовалось также «добиться массового притока жалоб рабочих на порядки и недостатки производственного, профсоюзного, бытового и др. характера» [25. Л.9]. Протокол заседания председателей и секретарей Упрофбюро свидетельствует о недостаточности самокритики и получение служащей выговора за критику недостатков под формальным предлогом. Профсоюз встал на сторону незаслуженно пострадавшей сотрудницы [27. Л.4].

Понятие «справедливость» далеко не всегда совпадает с юридической нормой. Однако законодательное закрепление происходит на основе обычного права. Для реализации юридической нормы необходимо правильное ее применение на основе верного истолкования. Толкование закона и юридическая практика, помимо нормативных документов и прецедентов, во многом

основывается на том же обычном праве и чувстве справедливости, восходящем к описанному выше архетипу. Чувство справедливости является одним из основных паттернов человеческой психики. Оно вступает в жесткое противоречие с требованием корыстной части человеческой природы, тяготением всякой власти к насилию [29. С.1-3] и превышению своих пределов. Однако в деятельности низовых профорганизаций вышеописанный архетип нашел живое воплощение.

Спор работника с работодателем в подавляющем большинстве случаев решался низовыми профорганами в пользу работника, даже если частичная вина работника находила подтверждение. Человеку, занимавшему руководящую должность, приходилось намного сложнее, спрашивали с него гораздо строже, чем с рядового работника, находившегося под защитой представителей охраны труда. В Профсоюз работников земли и леса поступила жалоба Ж.А. Витте на эксплуатацию его руководством. Несмотря на болезнь, его заставляли работать и принуждали «нарушать рабочее законодательство». Для разрешения конфликта жалобщик потребовал прислать представителя охраны труда [21. Л.71-71 об.]. Заседание Щелковского райкома Всеработземлес приняло решение о передаче в Нарсуд дела об оскорблении лесника Кострова групппредседателем Сельсовета Бабуриным [22. Л.40].

Значительный пласт документов составляют жалобы на несправедливое увольнение сотрудников низшего звена и просьбы о восстановлении их на работе. Увольнению подлежали, в первую очередь, люди, которые имели «систематически нетрезвый вид» и отсутствующие на работе [23. Л.1]. Нередко жалобы на несправедливое увольнение, содержат доносы на других лиц, которые жаловались на пострадавшего. Так, В.Г. Дегтев написал заявление в профсоюз совторгслужащих, где жаловался на несправедливое увольнение, отрицал свою принадлежность к «нетрудовым элементам» и описывал противоправные действия председателя жилтоварищества, который в общественной прачечной держал своих свиней и кур [15. Л.17].

Нередко работника, подавшего жалобу о несправедливом увольнении, восстанавливали на работе. Так, продавца Егорова уволили за самовольную продажу продуктов ниже себестоимости и как зажиточного элемента [15. Л.127-128]. Однако письмо Московского окружного Правления Союза Совторгслужащих в Комиссию по чистке Московской окружной рабоче-крестьянской инспекции уже свидетельствовало о преступной деятельности его начальника, заведующего магазином Сеницына, неоднократно замеченного, совместно с членами правления, в пьянстве, склоке, семейственности, круговой поруке. Заведующий обвинялся в «связи с частником, путем сдачи последнему выпечки хлеба», хищениях, нарушении правил торговли, «глушении самокритики» и «прямой уголовщине» [15. Л.129-129 об.]. Статья из газеты «Коммунальный работник» №9 (269) «Сигнализируем еще раз» от 25.03.1930 г., копия которой отложилась в материалах фонда, повествует об издевательствах над уволенным продавцом Егоровым, клевете и подделке документов за разоблачение заведующего магазином Сеницына [15. Л.139]. В результате проведенного расследования продавец Егоров был восстановлен на работе с оплатой вынужденного прогула, хотя и получил выговор за нарушения в работе. Заведующий Сеницын и «вычищенные» сотрудники, действовавшие с ним заодно, были уволены [15. Л.124-129].

В хитросплетения взаимных обвинений нередко очень сложно разобраться. Протокол заседания комиссии по делу работника фабрики «Культурфильм» Филиппова отражает полемику сторон. Филиппов жалуется на несправедливое увольнение, травлю со стороны заведующего мастерской Лапинского и нездоровую атмосферу в коллективе. По словам Филиппова, Лапин провоцировал склоку в коллективе, а склока – почти что вредительство, давал для работы негодные инструменты, по каждой мелочи писал рапорты. «Из-за некомпетентности, Лапин чувствует себя неуверенно», боится, что его снимут, поэтому «всех жмет» и всячески поощряет подхалимство в коллективе. Лапин назвал Филиппова пьяницей и «бузотером» [19. Л.6]. Однако коллектив не разделял его точку зрения, и конфликтная комиссия приняла решение о

восстановлении на работе Филиппова и увольнении Лапинского вследствие злоупотреблений служебным положением [19. Л.10].

Серьезные последствия для руководства могли иметь жалобы сотрудников, опубликованные в газете. Из редакции в профсоюз направлялось письмо с материалами жалобы с требованием разобраться в ситуации и уведомить редакцию о результатах расследования [24. Л.2]. Так, в редакцию газеты «Рабочая Москва» было отправлено анонимное письмо трудящихся монтажно-технического комбината о нарушении техники безопасности в цеху, нецелевом использовании средств, выделенных на обеспечение техники безопасности, об оплате лекций по охране труда, которые не проводились, об отсутствии ограждений и спецодежды. В результате этого двое рабочих получили увечье рук. Досталось и представителям профсоюза, которые покрывали руководство: «Из обкома союза инструктора обходят цеха как американские дядюшки, не замечая безобразий» [24. Л.2а-2а об.]. Председатель Обкома профсоюза строителей сообщил в редакцию газеты «Рабочая Москва» о подтверждении фактов злоупотребления и нецелевого расходования средств, выделенных на обеспечение охраны труда. В связи с этим Президиум Мособкома постановил: «Передать дело в прокуратуру для привлечения к уголовной ответственности быв. директора Зубова и зав. тех. безопасности Лаврешова со снятием последнего с работы; в отношении тех. директора Субботина Президиум объявил строгий выговор с предупреждением» [24. Л.1].

Письмо рабочих пироговских деревообделочных мастерских в редакцию газеты «Строительный рабочий» сообщает о систематической задержке зарплаты [24. Л.32]. Председатель Обкома профсоюза строителей в письме в редакцию «Строительной газеты» подтверждает факты задержки зарплаты, извещает редакцию о принятых мерах – выплате зарплаты и передаче материала на лиц, виновных в вышеуказанном нарушении, областному прокурору [24. Л.30].

Сотрудницы Ростокинского Райпищеторга жаловались в редакцию газеты «Советская торговля» на принуждение руководством к переработке, грамотно

ссылаясь на авторитет вождя и возлагая на нарушителей трудового законодательства ответственность за неисполнениями женщинами программы по обобществлению своего внерабочего времени [13. С.270], ратуют за экономию электроэнергии, столь необходимой для строительства социалистического государства. В результате «ежедневных пересидок женщины, работая по 9-11 часов, оторваны от семьи, детей своих (несмотря на указания товарища Сталина), и дети живут сами по себе, без присмотра (дети улицы), культурно-общественной работе не посвящают себя, и в каких-либо кружках, если они имеются, также физически не могут заниматься... Ст. бухгалтер строительной конторы т. Пищик М.М. целый день отсутствует, а вечерами приходит, и начинается пересидка, отсюда и трудовая дисциплина отсутствует во время его отсутствия, и электроэнергию жгут вечерами, когда можно работу вовремя кончать. Проходя летом мимо окон... их учреждений, вы всегда можете слышать ругань, крик выходящих пьяных работников» [24. Л.58-59]. Работницы также критикуют профорганы за бездействие и отсутствие необходимых пунктов в трудовом договоре. Главным мотивом написания жалобы, безусловно, было желание реализовать свое право на отдых и общение с близкими. Однако авторы письма продемонстрировали, что прекрасно поняли и приняли условия игры, предложенной властью, за что и были вознаграждены. В ответ на требование редакции о проведении разбирательства и предоставлении информации о проделанной работе инструктор Обкома профсоюза строительных рабочих сообщает о подтверждении фактов принуждения сотрудников к переработке и принятии решения о передаче дела в прокуратуру в случае повторения подобного [24. Л.48].

Вопреки активно насаждаемой в 1920-30-х гг. секуляризации сознания в текстах документов низовых профсоюзных организаций Московского региона можно увидеть отражение основных архетипов основанной на Православии русской культуры – эмпатичное отношение к ближнему и вера в победу правды-справедливости. Несмотря на тяготы эпохи 1920-30-х гг. – богоборчество, голод, террор, доноительство, репрессии, разрушение привычного уклада жизни,

переоценку ценностей, чувство справедливости находило реализацию в деятельности низовых профсоюзных организаций. Наряду с установкой на борьбу с бюрократической преградой между властью и народом это способствовало снятию социальной напряженности на низовом уровне и легитимизации власти в народном сознании. Однако кампания по чистке привела также к увеличению доноительства. Сохранились традиционные для русской культуры установки на приоритет общественного перед частным, но с уменьшением автономии личности от социума. По-прежнему социально одобряемым образом поведения оставался жертвенный, отдающий, свойственный астеникам. Однако на практике все больше укрепляется образ поведения, свойственный параноидальному психотипу, представители которого не обременены в достижении своих целей сопереживанием и муками совести.

Один из апостолов постмодернизма М. Фуко писал: «Может быть, наступит такой день, когда перестанут понимать, что такое безумие. Эта фигура замкнется на себе, не позволяя более разгадывать следы, которые она оставит... Вернее всего, они будут вписаны в конфигурации, которые сегодня нам никак не нарисовать, но которые в будущем станут необходимыми координатами прочтения нашего бытия и нашей культуры, нас самих» [34. С.163]. Паттерны православного мышления, на котором основана русская культура, формируют в общественном сознании убеждение в победе добра над злом. Согласно либеральной парадигме, свобода одного заканчивается там, где начинается право другого. В контексте постмодернистской парадигмы, основанной на паттернах оккультного мировоззрения, соединяющего добро и зло воедино, формируется релятивизм. Само чувство справедливости маргинализируется в общественном сознании². Следствием релятивизма являются равнодушие и апатия, которые

² «Обостренное чувство справедливости психология рассматривает как неспособность личности адекватно оценивать внешние условия. Такому человеку свойственно вмешиваться «не в свое дело», защищать слабых, требовать от окружающих порядка и честности». (Обостренное чувство справедливости: симптомы и лечение Источник: <https://lifemotivation.online/razvitie-lichnosti/samopoznanie/obostrennoe-chuvstvo-spravedlivosti>); «Избавиться от страданий, вызванных жадой справедливости, можно только осознав их бессмысленность». (Журковец Р. Как укротить эмоции. Техники по самоконтролю от профессионального психолога. Источник: <https://psy.wikireading.ru/109853>); «В психиатрии обостренное чувство справедливости является симптомом множества расстройств» (Обостренное "Чувство справедливости" Источник: <https://www.b17.ru/article/288994/>). Подобная точка зрения в корне отличается традиционных представлений о совести. «В рамках христианской

способствуют развитию деструктивных процессов в психике, социуме, праве, историческом процессе. Равнодушие и отсутствие совести, отсутствие чувства справедливости, характерные для машины, а не человека – признаки постчеловеческой цивилизации, как следствие ухода от Бога, все больше воспринимаются как норма. Развитие психоисторического направления, применяемого в сфере исследования истории ценностей и их трансформации, представляется весьма актуальным не только с научной, но и с общественной точки зрения. Анализировать бессознательное возможно только при хорошей осознанности, способной остановить процесс деградации нашей цивилизации.

Список источников

1. Байдавлетова Л.Р. Концепт «правда-справедливость» в русской языковой картине мира (на материале фразеологии). Вестник Уфимского юридического института МВД России. 2016. №3. С.92-98.
2. Барабаш И.К. Историческая психология и личность исследователя // Историческая психология, психоистория, социальная психология: Материалы XV Международной конференции. СПб.: Издательство «Нестор», 2004.
3. Боева Г.Н. Пародии В.П. Буренина в антисемитском дискурсе начала XX века. Режим доступа: <https://uchimsya.com/a/mEDT22m4>
4. Буренин В.П. Песни и шаржи. СПб.: типография А.С. Суворина, 1892. 368 с.
5. Е. К. Веселова Совесть как психологический феномен. – Вестник СПбГУ. Сер. 12, 2009. Вып. 4. С.127-134.
6. Ганнушкин П.Б. В душе психопата. Путешествие в мир без жалости, совести и чувств. М.: Родина, 2018. С. 26-74.
7. Журавлева И.А. В поисках оптимальных научных методов для изучения истории // Историческая психология, психоистория, социальная психология:

культуры нравственная зрелость личности — это не только сохранность совести на уровне естественной нравственности, но и стремление к нравственному совершенствованию через принятие более высокого этического идеала жертвенной любви к другим». (Веселова Е.К. Совесть как психологический феномен // Вестник СПбГУ. Сер.12, 2009, вып. 4, С.134).

Материалы XV Международной конференции. СПб.: Издательство «Нестор», 2004.

8. Кирчанов М.В. Психоистория: история и основные направления исследовательской деятельности. Режим доступа: <http://psysphera.narod.ru/Public/psyhistori.htm>

9. Кладова Н.В. К вопросу о становлении психоистории как одного из направлений исторической психологии в зарубежной и отечественной историографии // Историческая психология, психоистория, социальная психология: Материалы XV Международной конференции. СПб.: Издательство «Нестор», 2004.

10. Кондратьева О.Н. «Наивная психология». Исторический аспект // Историческая психология, психоистория, социальная психология: Материалы XV Международной конференции. СПб.: Издательство «Нестор», 2004.

11. Кудрявцева М.Н. Религиозное сознание – тема для изучения исторической психологии // Историческая психология, психоистория, социальная психология: Материалы XV Международной конференции. – СПб.: Издательство «Нестор», 2004.

12. Лаппо-Данилевский А.С. Методология истории. Вып.1-2. СПб.: Студенческая издательская комиссия при историко-филологическом факультете, 1910-1913.

13. Лебина Н.Б. Советская повседневность: нормы и аномалии. От военного коммунизма к большому стилю. М.: Новое литературное обозрение, 2018.

14. Московский областной архивный центр (МОАЦ). Ф.34. Оп.1. Д.3.

15. МОАЦ. Ф.126. Оп.1. Д.75.

16. Там же. Ф.144. Оп.1. Д.128.

17. Там же. Ф.158. Оп.3. Д.10.

18. Там же. Ф.167. Оп.1. Д.6.

19. Там же. Ф.181. Оп.1. Д.360.

20. Там же. Ф.181. Оп.1. Д.362.

21. Там же. Ф.183. Оп.1. Д.8.
22. Там же. Ф.183. Оп.1. Д.317.
23. Там же. Ф.183. Оп.1. Д.685.
24. Там же. Ф.237. Оп.1. Д.276.
25. Там же. Ф.292. Оп.1. Д.154.
26. Там же. Ф.340. Оп.1. Д.1.
27. Там же. Ф.340. Оп.1. Д.6.
28. Песков А.Е. Общественное мнение и личность: социально-психологический аспект // Историческая психология, психоистория, социальная психология: Материалы XV Международной конференции. СПб.: Издательство «Нестор», 2004.
29. Победоносцев К.П. О жалобах на действия должностных лиц административного ведомства. СПб., 1864.
30. Победоносцев К.П. О реформах в гражданском судопроизводстве // Русский вестник. Кн.6-7. М., 1859. С.46-80.
31. Смирнова Т.М. Чистки совappарата как часть повседневности 1920-1930-х гг. // Вестник РУДН. Серия История России. 2009, № 3. С.103.
32. Тимашев Н.С. Феномен власти // Методологические работы: 1920-1930 годы. М.: Наука, 2010.
33. Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 томах / Даль В.И. –М.: РИПОЛ классик, 2006. / Том 4. Р-Я.
34. Фуко М. Пылающий разум. // Юнг К., Фуко М. Матрица безумия (сборник). М.: Родина, 2021.
35. Юнг К. Что означает быть человеком? (из книги «Воспоминания, сновидения, размышления») // Юнг К., Фуко М. Матрица безумия (сборник). М.: Родина, 2021.